

Т. Н. ЧАЙКО

НАЗВАНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕЛА КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРЫ В АПЕЛЛЯТИВНОЙ И ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Метафорический перенос, «который основан на сравнении вещей по форме, цвету, характеру движения и т. д.»¹, используется очень часто при назывании предметов и явлений окружающей действительности, а также вещей, созданных самим человеком.

Изучение метафорических названий, которые широко представлены в самых различных областях апеллятивной и ономастической лексики, представляет большой интерес, так как в них особенно нагляден процесс номинации, ярко проявляется связь между объектом и человеком, дающим название: прозрачность внутренней формы позволяет установить причину их происхождения и выявить некоторые закономерности номинации.

Особый интерес представляет выявление слов — источников метафор. Семантический анализ метафорических названий свидетельствует о том, что в качестве источников метафор используются чаще всего названия частей тела человека и животных, предметов, относящихся к быту (посуда, одежда, обувь, пища, орудия труда, постройки и т. д.); реже — названия животных и растений; слова, характеризующие человека с той или иной стороны, иногда даже географические термины².

Цель статьи — рассмотреть некоторые закономерности метафоризации на материале одной из самых многочисленных групп метафорических названий, источниками которых послужили слова, обозначающие части тела человека и животных.

Диапазон употребления такого рода метафор очень широк, они встречаются даже в названиях явлений природы, ср. *косы* — дождевые полосы, видимые перед сырой погодой (Грандильевский, 177), *уши* солнца — побочные солнца (Даль, IV, 525) или манс. *хотал кат* «рука солнца» — солнечный луч (СТЭ; Б — В, 140).

Наиболее полно метафорические названия, основанные на сравнении с частями тела, представлены в апеллятивной лексике. Здесь выделяется несколько тематических групп.

¹ А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, стр. 77.

² Ср. вывод Н. И. Толстого о связи географической терминологии в лексемом и смысловом отношении с другими терминологическими сферами. — Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. М., 1969, стр. 246.

Прежде всего это слова, обозначающие предметы быта, а именно.

1. Орудия труда и их части: *лицо* наковальни — верхняя часть ее (Даль, II, 252), поверхность наковальни (СГСУ, II, 100); *глаз* — отверстие в центре верхнего жернова (СРНГ, VI, 184), также *око* — отверстие в жернове, в которое засыпается зерно (ЛП, 112); *носок* — острый конец косы (СТЭ; ЛОИЯ; ЛП, 110), *ухо* — железное кольцо у косы (ЛП, 127); *щёки* — плоские боковые части топора (ЛОИЯ), боковые дощечки, стенки мялки (СТЭ; ЛОИЯ; Даль, IV, 653); *язык* — часть мялки, разминающая лен между щеками ее (СТЭ; ЛОИЯ; Даль, IV, 674); *пятка* — тупой конец лезвия косы (СТЭ; ЛОИЯ; ЛП, 120; Даль, III, 557), *хвост* — часть прялки (ЛОИЯ) и др.

2. Постройки и их части: *лицо* — фасад здания, перед, лицевая сторона (Грандилевский, 189), *лоб* — фронто́н деревенского дома, обшитый тесом (ЛОИЯ; СГСУ, II, 100; Даль, II, 260); *ухо* — одна из железных скобок, в которую продевают закладку для запора ворот (ЛОИЯ), *пасть* — вход в погребную яму (Опыт, 153), *ладонь* — подоконник (ЛОИЯ), *нога* — основание печного столба (СТЭ; Подвысоцкий, 176; Опыт, 234), *пятка* — нижняя часть двери в притворе, опирающаяся стержнем на порог (ЛОИЯ; Грандилевский, 257—258; Подвысоцкий, 144; Опыт, 185; Даль, III, 552) и др.

3. Транспорт и его части: *голова, головка* — передняя, изогнутая часть полоза саней, дровней (СТЭ; СРНГ, VI, 300, 308), *лоб* — нос лодки (СТЭ), *брови* — жерди, скрепляющие обшивку лодки (доски) с наружной стороны (СГСУ, I, 56), *череп барки* — средняя часть ее, до погибов обшивки кормы и носа (Даль, IV, 592), *нос* — передняя часть всякого судна (ЛОИЯ), *щека* — выпуклости в передней части судна (ЛОИЯ), *палец* — уключина в лодке (СТЭ; Куликовский, 77), *подошва* — днище лодки с внешней стороны (СТЭ), *пята* — основание мачты (СТЭ; ср. Даль, 552), *хвост* — часть полоза, противоположная головке (ЛОИЯ) и др.

4. Рыболовные снасти и ловушки и их части: *голова* — узкий, стягиваемый веревкой конец вёрши, в него упирается рыба (Подвысоцкий, 17), *глаз* — ячейка рыболовной сети (СГСУ, I, 113; СРНГ, VI, 184; Даль, I, 254), ср. *оцёк* в том же значении (Добровольский, 576), *уши* — концы сети (СТЭ), *язык* — воронкообразная деталь рыболовных снарядов (вёрши, вентеря, чердачного мешка и др.), вставляемая внутрь ловушки (СТЭ; ЛОИЯ; Опыт, 273; Даль, IV, 674), *горло* — отверстие в передней внутренней конусообразной части ловушки на рыбу, через которое рыба проходит в ловушку (ЛОИЯ; СГСУ, I, 122; Даль, I, 379), *пятка* — задняя утолщенная часть удочки самоллова, которая немного загibtается (ЛОИЯ), *крылья* — стороны невода (СТЭ; Куликовский, 44; Даль, II, 204), *хвост* — задняя конусообразная часть вёрши (ЛОИЯ), сурпы (вид ловушки на рыбу, СТЭ).

Подобные метафоры можно найти и в названиях других предметов быта.

Многочисленны метафоры-сравнения с частями тела в названиях растений, ср. *вороний глаз* — *Paris quadrifolia*, *львиный зев* — *Antirrhinum Tourn.*, *кошачья лапка* — *Antennaria dioica Gaertn.*, *дедушкина голова* — *Geum rivale L.*, гравилат речной (ЛОИЯ), *заячьи уши* — *Convallaria majalis L.*, ландыш (Куликовский, 29; ЛОИЯ), *конский хвост* — *Ephedra vulg.*, стоузелъник (Даль, IV, 546), *олений язык* — *Gymnogramma celebrach L. Scolopendrium* (Даль, IV, 675) и др.

Во всех перечисленных реалиях сравнительно легко можно выделить отдельные части, форма и расположение которых, а иногда и функция вызывают ассоциации с частями тела — этим и объясняется столь широкое употребление таких метафор в названных тематических группах.

Очень широко распространены названия, основанные на сравнении с частями тела, и в географической терминологии. Здесь главную роль играет специфичность формы называемого объекта, а иногда и его расположение, ср. *глаз* — окно воды в болоте (СТЭ), *горло* — пролив между островами (СТЭ), *бараний лоб* — скала овальной и округлой формы с неровным пологим и крутым склоном и сглаженной поверхностью (Мурзаевы, 36; ЭСГТ, 31), *голова* — начало оврага (СГСУ, I, 118; Мурзаевы, 64), исток реки (СТЭ; Мурзаевы, 64; Даль, I, 367), *колено* — изгиб реки (СТЭ), *хребет* — горная цепь, гряда (ЭСГТ, 103; Даль, IV, 565), *палец* — острая скала, пик (Мурзаевы, 168), *нога* — выдающийся конец болота (СТЭ); *губы* — покос между лесом и рекой на узкой полоске (СТЭ), *нос* — мыс на реке или озере (СТЭ; ЛОИЯ; Даль, II, 555) и др.

В ономастической лексике множество примеров подобных метафор даёт топонимика, ср. *Афонины Брови*, камни на р. Чусовой, названные «по имени сплавщика Афони, у которого были густые и тёмные брови»³, пок. *Язык*⁴, оз. *Сердце* (изогнутой формы)⁵, г. *Пуп*⁶, пок. *Брюшина* («место заболоченное, кочёё, а по форме — ну как у коровы брюшина», СТЭ), *Клыки*, два мыса на реке («те же полуострова, мыса, один кабыть вроде как клык, зуб, с того берега, другой — с этого», СТЭ), оз. *Колено*, пож. *Ножка* (СТЭ), *Тигровый Хвост*, п-ов в Азовском море и мн. др.

Следует иметь в виду, что в образовании топонимов могут активно участвовать географические термины, возникшие путём метафорического переноса, ср. *нога* — клин земли, вдающийся в другие участки земли, и ур. *Нога*, или *нос* — участок покоса и пож. *Большой Нос*⁷. В. Д. Пахомова считает, что «в подавляющем случае подобные топонимы образованы независимо от географического

³ Л. Г. Галушко. Названия «каменной» реки Чусовой. — ВТ, № 1. Свердловск, 1962, стр. 46.

⁴ В. Д. Пахомова. Метафорические названия в топонимике и местной географической терминологии (дипломная работа). Свердловск, 1970, стр. 54.

⁵ Там же, стр. 51.

⁶ Там же, стр. 75.

⁷ Там же, стр. 73.

апеллятива»⁸, ср. *хвост* — конец острова и *Хвост*, лес, или *голова* — начало оврага и *Голова*, пок.⁹.

Чаще всего метафоры, основанные на сравнении с частями тела, встречаются в микротопонимике угодий, а также в названиях гор и камней, реже — в названиях озер. Это связано с тем, что для наименования объекта посредством такой метафоры необходимо видеть объект целиком, лишь тогда его форму или форму его частей можно сравнить с какой-либо частью тела. В названиях «необозримых» объектов сравнений с частями тела мы не найдем. «Воображению легче увидеть что-то человеческое, индивидуальное в горной вершине, в колоссальной глыбе гранита, нежели, например, в простирающемся на десятки километров море или озере, очертаний которого не охватить взглядом,— пишет Л. Успенский.— Доступное глазу, обозримое одним взглядом, вот что постоянно возбуждает фантазию»¹⁰. Справедливость этого вывода несомненна.

В то же время в астронимике, где метафора — основной принцип номинации, сравнение с частями тела встречается очень редко. В качестве примеров из русского языка можно привести лишь *Волосы Вероники* (созвездие представляет собою красивое скопление слабых звёзд¹¹) и *Волчий хвост* — Плеяды (СРНГ, V, 80), а из языков северных народов — чукот. «*лапа белого медведя*» — Северная Корона¹², «*головы*» (лявытти): «*передняя голова*» (яютлявыт) — Арктур из созвездия Волопас и «*задняя голова*» (яаллявыт) — Вега¹³ (очень крупные звезды); ненец. *мар тэнг там пидны «нумгы»* (Плеяды) — «бедренная часть разделанной туши дикого оленя», которое «восходит, очевидно, к северному мифу о небесной охоте на оленя»¹⁴, и некоторые другие.

Особенностью метафорических названий астрономических объектов является то, что они часто связаны с мифами и легендами, поэтому путь номинации здесь может быть иным — не от объекта к названию, а от мифа к объекту¹⁵. Геометричность формы созвездий, их абстрактность в свою очередь обуславливают набор метафорических универсалий. Благодаря целостному восприятию в названиях астрономических объектов появляются целостные же образы: люди, животные, предметы быта¹⁶.

Что касается антропонимии (где метафоризация — один из продуктивных способов образования прозвищ), то в этой области ономастики в принципе не может быть метафор, основанных на сравнении с частями тела, потому что части тела есть у каждого

⁸ Там же, стр. 80.

⁹ Там же, стр. 79.

¹⁰ Л. Успенский. Загадки топонимии. М., 1969, стр. 24.

¹¹ М. М. Дагаев. Наблюдения звездного неба. М., 1969, стр. 107.

¹² В. Г. Богораз. Чукчи. Ч. 2. Л., 1939, стр. 12.

¹³ По сообщению П. И. Иненликея. См. также: В. Г. Богораз. Чукчи. Ч. 2, стр. 24, 29.

¹⁴ М. Э. Рут. Принципы номинации некоторых астрономических объектов.— ВТ, № 4. Свердловск, 1970, стр. 105—106.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 104—107.

человека. Такие прозвища, как *Глаз* — «глаза большие», *Ус* — «носит длинные усы»¹⁷, *Нос* — человек с большим носом¹⁸ — должны рассматриваться как метонимия типа синекдохи (названия целого по части). Но и здесь бывают исключения, например, маленькому человеку дают прозвище *Опупок* (=пупок)¹⁹. Нельзя отрицать что это метафорический перенос, хотя и вторичный (*пуп, пупок* — что-то маленькое, ср. *опупок* — перен. небольшой холмик, бугорок (СГСУ, III, рукопись), поэтому так можно назвать и маленького человека).

Примечателен факт, что в пределах одной тематической группы могут существовать микросистемы метафорических названий. Они возникают в результате сравнения не только формы, но и взаиморасположения частей тела человека и животных и частей отдельных предметов.

Так возникли коррелятивные пары метафорических названий — голова — хвост: *голова* — возвышенная вверх по течению часть острова, арх. (Подвысоцкий, 32; Мурзаевы, 64) ~ *хвост* — конец острова, лежащий ниже по течению реки, арх. (Опыт, 246; Подвысоцкий, 182; СМГТ, 243; Даль, IV, 546); то же в коми-зырянском языке: *di юр* «голова» — верхний конец острова (*di* — «остров», *юр* — «голова» — ССКЗД, 457) ~ *бõж* «хвост» — нижняя часть острова, косы по течению реки (ССКЗД, 25); ср. также: *голова* и *хвост* ледяной горы, енис., вост.-сиб. (ЛОИЯ); носок — пятка: *нос, носок* — острый конец яйца, арх., курск. (ЛОИЯ), твер. (Опыт, 130) ~ *пятка* — толстый конец яйца, твер. (ЛОИЯ, ср. Даль, III, 552); *носок* — заостренная часть веретена, арх. (СТЭ; ЛОИЯ) ~ *пятка* — нижний конец веретена, на котором оно вертится, арх. (СТЭ; ЛОИЯ); *носок* — острие рыболовного крючка, пск., Обь-Енисейский водн. басс. (ЛОИЯ) ~ *пятка* — расширенный конец рыболовного крючка, за который его подвязывают, пск. (ЛОИЯ) и др.

Иногда встречаются корреляции-«перевертыши», т. е. слова, составляющие коррелятивную пару, могут меняться местами, обозначая противоположные концы объекта. Ср.: *голова* — исток реки. Выделяется признак местоположения в верхней части течения реки, это начало реки. Тогда нижнюю часть реки следует называть *хвост* (ср. *хвосты* — место соединения двух рек, киров. (СТЭ) и *ухвостье* — верх, исток, начало, вершина речки (Мурзаевы, 240). Тоненький ручеек, каким обычно бывает река в верховьях, вполне можно сравнить с хвостом, если учесть к тому же, что место, где река впадает в другую реку или озеро, называется *устье*, т. е., если передняя, «головная» часть оказывается внизу, то «хвостовая» — вверху. Еще пример: *голова* — верхняя часть снопа, верхушка снопа, влг.

¹⁷ Т. Н. Чайко. О принципах номинации в народных прозвищах. — ВТ, № 5. Свердловск, 1971, стр. 151.

¹⁸ В. А. Флоровская. Прозвища в русских говорах Кубани. — В сб.: Этнография имен. М., 1971, стр. 142.

¹⁹ П. Т. Поротников. Семантическая и грамматическая классификация прозвищ говоров Талицкого района Свердловской области. — ВТ, № 4, стр. 49.

(СРНГ, VI, 300), тогда *гуз* — низ снопа, смол. (Добровольский, 151) и *голова* — нижняя часть снопа, комель снопа, ленингр., том., свердл. (СРНГ, VI, 300), потому что часть снопа, где находятся колосья, легко можно сравнить с хвостом (ср.: *хвост* — часть снопа с колосьями. Ср. Прииртышье, ЛОИЯ).

В некоторых случаях развитие образа идет еще дальше, и микросистему составляют не два метафорических названия, а больше, правда, полный набор этих метафор не всегда бывает зафиксирован в пределах одного говора.

Таковы, например, названия частей мялки для льна: *рот* — желобок, в котором мнут лен, арх. (СТЭ), *щёки* — боковые доски, стенки мялки, влг. (СТЭ), новосиб., том. (ЛОИЯ); *язык* — часть мялки, разминающая лен или коноплю между щеками ее, арх., влг. (СТЭ), новосиб., том. (ЛОИЯ); ср. Даль, IV, 674.

Ср.: 1) *щека* — часть терницы²⁰, в виде двух параллельных планок, в которые при работе входит *язык* — верхняя рабочая подвижная часть терницы (ЛП, 279—280); 2) *головка* — передняя часть клещицы (деревянной иглы для вязания сетей, палочка с боковым сучком и расщепом на нижнем конце), состоящая из боковых *щёчек* и среднего *язычка*, пск. (СРНГ, VI, 307).

Приведем еще два примера, которые особенно убедительно доказывают существование микросистем метафор в пределах одной тематической группы.

1. Названия частей улья: *голова* — верхняя часть улья (ЛП, 328), костром., орл. (СРНГ, VI, 300; ср. Даль, I, 367); *око* — леток колодочного улья (ЛП, 345); *ухо* — колышек, выступающий в верхней части колодочного улья и служащий для зацепки при подъеме улья на дерево (ЛП, 363).

Таким образом, улей воспринимается как предмет, в некоторой степени похожий на голову человека (рис. 1).

2. В разных говорах русского языка среди названий частей дома также существуют метафоры, основанные на сравнении с частями тела человека. Поставим их в один ряд: *лицо* — фасад здания, перед, лицевая сторона, холмогор. (Грандилевский, 169; ср. Даль, II, 258); *глаза* — окна, арх. (СТЭ; Подвысоцкий, 30); *бровь, бровка* — планка над дверями, окнами (СГСУ, I, 56), арх., пск., новг., перм., свердл. (СРНГ, III, 183); *лоб* — фронто́н деревенского дома, обшитый тесом, ряз., свердл., калининск., краснояр., ср. течение р. Оби, Чуваш. (ЛОИЯ); *череп* — крыша над домом, арх. (Подвысоцкий, 187; Опыт, 256; Даль, IV, 592).

Итак, перед нами предстает голова человека (рис. 2).

При возникновении таких микросистем метафор большое значение, очевидно, имеет существование так называемых «семантических полей», объединяющих отдельные слова на основе ассоциативных связей. «Например, слово вол вызывает в нашем созна-

---

²⁰ *Терница* — мялка, орудие, с помощью которого производится отделение волокна от сухого стебля льна или конопли (ЛП, 271).

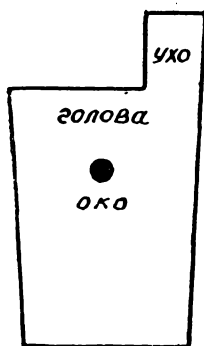

Рис. 1.

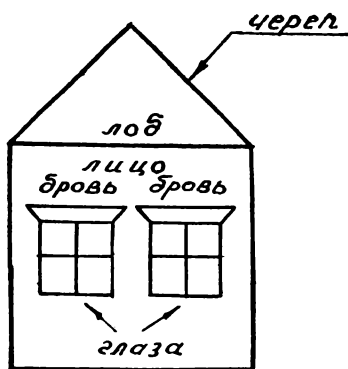

Рис. 2.

нии такие ряды слов, как корова, бык, теленок, рога, жвачка и т. д... Ф. П. Филин говорит о тематических словарных группах, внутри которых существуют мелкие, но тесно связанные между собой лексико-семантические группы слов. Очевидна связь между словами хребет и спина, руки и ноги»²¹; можно добавить: голова и хвост, носок и пятка; лоб, глаза, брови и т. п.

Все изложенное заставляет задуматься над вопросом: почему же названия частей тела так продуктивно используются в качестве метафорических универсалий?

Ответ может быть один. При назывании нового объекта у человека возникают ассоциации прежде всего с тем, что ему особенно хорошо знакомо, что постоянно находится «при себе», и в первую очередь человек сравнивает окружающие предметы с самим собой, частями своего тела и частями тела животных. Справедливо замечание Л. Успенского о том, что «в каждом человеке живет склонность в любом смутном очертании, созданном природой (добавим: и в очертаниях и строении предметов, созданных самим человеком. — Т. Ч.), видеть те или другие оживленные или даже неживые, но понятные черты»²².

Благодаря тому, что части тела все время находятся перед глазами, они и становятся «своеобразным эталоном для сравнения», — делает вывод В. Д. Пахомова²³.

Однако при создании метафор названия частей тела в разной степени продуктивны: одни используются очень редко (подмышка, череп, плечо, легкие), а другие — наоборот, очень часто (голова, глаз, нос, ухо, язык, шея, нога, хвост). Эти последние — слова с «широким смыслом», способные передавать многочисленные зна-

²¹ Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 29—32.

²² Л. Успенский. Загадки топонимики, стр. 224.

²³ В. Д. Пахомова. Метафорические названия в топонимике и местной географической терминологии, стр. 30.

чения, т. к. «перенос наименования не только создает наглядность, конкретизирует, но и абстрагирует»²⁴, и тогда, «исходя из логической природы понятия, можно предположить, что под значение слова можно подвести любой предмет, который обладает данными «признаками»²⁵.

Так, слово *голова* приобретает абстрактное значение «наиболее выдающаяся верхняя часть предмета», глаз — «нечто маленькое, круглое»²⁶, нос — «выдающаяся часть предмета вообще» и т. д.

Этим и объясняется универсальность употребления слов с «широким смыслом» в самых различных областях апеллятивной и ономастической лексики.

Однако частота употребления слов с «широким смыслом» приводит к тому, что образность названий, созданных с их помощью, стирается, и «мы привыкаем воспринимать эти слова как знаки, передающие просто фиксируемое ими значение»²⁷. Поэтому возможны: *лоб — нос* лодки, арх. (СТЭ), *косы — усы* у огурцов (СГСУ, II, 55), *рыльце — носок* у сосуда (Даль, IV, 118).

Важно также отметить, что сходные объекты или даже один и тот же объект могут вызывать различные ассоциации и вследствие этого называться по-разному: скажем, предметы продолговатой, вытянутой формы или части предметов, имеющие эту форму, можно сравнить с ногой, рукой, носом, языком, ухом, хвостом; всевозможные изгибы сравнивают с локтем, коленом, хоботом и т. д. Или, например, верхняя часть прялки может называться *перо*, арх. (СТЭ), *хвост*, пск., новг. (ЛОИЯ), *личико* (СГСУ, II, 100). Первые два названия даны по форме, а в третьем отражается не только форма, но и положение этой части прялки по отношению к целому (верхняя часть прялки)²⁸.

Иногда в метафорических названиях находят отражение мифологические представления. Ср. русск. название белемнита (ископаемого моллюска) «*чертов палец*» (Даль, III, 11), смол. (Добровольский, 1987), арх. (Подвысоцкий, 1989). «Существует предание, будто черти в полночь бьются между собою на кулачках и теряют пальцы» (Добровольский, 1987). Ср. еще коми-зырянское название василька *пöлудь син* «глаз феи» (*пöлудь* — «дух в образе женщины, живущей в несжатой полосе ржи», *син* — глаз (ССКЗД, 238), мансийские названия хмеля (*Atragea* L.) *менгкв-аги-саг* «коса чертовой дочки» или *миснэ саг* «коса феи» (СТЭ), а также приведенные выше названия созвездий и звезд.

²⁴ Л. Лендъел. «Переносное значение» или «образное употребление» слов? — В сб.: Лексикология и лексикография. М., 1972, стр. 57.

²⁵ В. А. Звегинцев. Семасиология. М., 1957, стр. 233.

²⁶ М. П. Баландина. Формирование сложных слов мансийского языка на базе соматической лексики. Автореф. канд. дисс. Л., 1965, стр. 17.

²⁷ Л. Лендъел. «Переносное значение» или «образное употребление» слов?, стр. 60.

²⁸ См.: Л. М. Майданова. Процесс номинации и номинативные варианты. — ВТ, № 6. Свердловск, 1972, стр. 21.

Итак, источник метафорического названия — в соотнесенности называемого объекта прежде всего с самим человеком, вот почему слова, обозначающие части тела, так широко используются в создании метафор.

«Вся «реальность» в конечном итоге, — пишет В. Пизани, — рассматривается человеком в соответствии с его собственной оценкой, причем он пренебрегает иногда некоторыми объективными данными. *πάντων χρημάτων μέτρον ἐστὶν ἄνθρωπος* «человек — мера всех вещей» является основным принципом для языка, а следовательно, и для человеческого мышления»²⁹.

Метафорическое употребление слов, в частности, использование названий частей тела в других группах апеллятивной лексики и в ономастике — процесс сложный и очень интересный. Оно расширяет ресурсы языка и обогащает его. Изучение этого явления позволяет установить, что оно не случайно и связано как с языковыми, так и с внелингвистическими факторами.

---

²⁹ В. Пизани. Этимология. М., 1956, стр. 162.